

28 января 1996 года скончался Иосиф Бродский.

Писатель в тюрьме

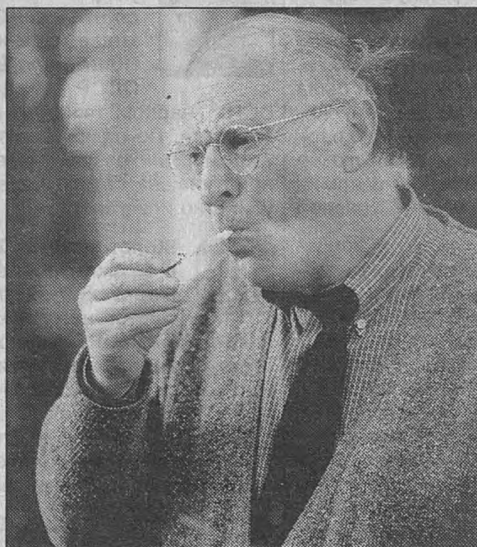
ПАМЯТЬ

В Нью-Йорке вышла книга «Тюрьма, в которой я живу». Это составленная американским ПЕН-клубом антология рассказов современных писателей разных стран о своем опыте тюремного заключения. Предисловие к антологии написал незадолго до смерти Иосиф Бродский. Приводим отрывок из его эссе.

о мемуарах. Возможно, среди искусств поэзия меньше всех награждена даром отражения.

А если нет, то объект ее отражения явно находится вне и поверх тюремных стен, ощеренных колочей проволокой, часовыми, пулеметами и т.д. Все искусства стремятся стать музыкой, сказал Уолтер Патер, и поэзия, в частности, отказывается быть загнобленной человеческим страданием, включая страдания пишущих ее.

Конечно, писатель не священная корова: он не может быть вне закона или, в данном случае, беззакония общества. Тюрьма или концлагерь

Иосиф Бродский

— лишь продолжение этого общества, а не заграничная территория, хотя по вашей пайке можно предположить и это. Оказавшись за решеткой, писатель продолжает разделять судьбу соотечественников. Ни в их глазах, ни, как следует надеяться, в собственных, писатель от них ничем не отличается. В попытке выжить писателя из тюрьмы, где останутся его компатриоты, иными словами, его читатели и персонажи, есть даже некий элемент нечестности. Это все равно, что на переполненное судно, тонущее в море несправедливости, кинуть единственный спасательный жилет.

С другой стороны, бросать этот жилет необходимо, поскольку лучше спасти хоть одну душу, чем ни одной, а также потому, что спасенный писатель может подать сигнал SOS громче любого другого из тонущих. И хотя на наших книжных полках и так стоит масса книг, которых мы никогда не коснемся, спасательный жилет надо бросить писателю по одной простой причине: он напишет еще одну книгу. Чем больше книг стоит на наших книжных полках, тем меньше людей мы сажаем в тюрьму. Иными словами, время, затра-

ченное на чтение книги, это время, украденное у действия, а в мире, так густо заселенном, как наш, чем меньше мы действуем, тем лучше.

Человек привык выискивать высший смысл в очевидно бессмысленной реальности. Он склонен расценивать карающую, хоть и немую, десницу властей как руку Провидения. Подсознательное чувство вины и запоздалой расплаты подкармливают этот комплекс, делая человека легкой добычей обыкновенного произвола, в то время как он сам гордится капитуляцией перед ним, считая, что достиг новых глубин смирения.

Но то, что является восхождением для смиряющегося, для общества — скользкий спуск. Грядущий мир обещает быть тише нынешнего, и даже аномалия в нем достигнет пропорций эпидемии. От нее нет пенициллина; единственное лекарство, доступное потенциальной жертве, — самодельная, полностью индивидуальная, идиосинкратическая манера держаться. Писатели же, в первую очередь и даже несмотря на их собственные убеждения, есть индивидуалисты. Они плохо ладят друг с другом, их дарования и стилистические особенности сильно различаются; они также более виновны, чем другие люди — они первые, для кого повторение скопометрировало слова. Сказать иначе, писатель сам по себе высшая метафора человеческого состояния. Поэтому все, что он говорит о местах лишения свободы, должно представлять огромный интерес для всех, мнящих себя свободными.

В массовом сознании тюрьма — величина неизвестная и, таким образом, очень схожа со смертью, которая превосходит ее как по неизвестности, так и по отсутствию свободы. По крайней мере на первых порах одиночку, без сомнения, можно сравнивать с гробом. Ссылки на потусторонний мир в разговоре о тюрьмах — общее место в любом языке (если, конечно, подобные разговоры не запрещены). Поскольку, с точки зрения обычной человеческой реальности, тюрьма и вправду — «жизнь после жизни», выстроенная столь же подробно и нерушимо, как любая церковная версия царства смерти, и столь же щедрая на оттенки серого цвета.

Однако частичное лишение свободы, каким является тюрьма, хуже абсолютного, поскольку последнее отнимает у вас способность осознавать это лишение. К тому же в тюрьме вы отданы на милость не бесплотным демонам, вы в руках себе подобных, обычно осязаемых до чрезмерности. Вполне вероятно, что основная часть образов преисподней в нашей культуре исходит именно из тюремного опыта.

Как бы то ни было, тюремная литература демонстрирует вам, что ад сотворен людьми и управляется людьми. Но в этом кроется надежда вынести его, поскольку люди, получающие деньги за свою жестокость, чаще всего халатны, испорчены, ленивы и так далее. Ни одна созданная человеком система не совершенна, и система угнетения — не исключение. Она изнашивается, покрывается трещинами, которых вы найдете тем больше, чем длиннее ваш срок. Другими словами, нет смысла закалывать ваши убеждения по одну сторону тюремной стены, ибо вы можете оказаться по другую. По большей части тюрьму можно вынести. Хотя для входящего сюда надежда и впрямь — самая бесполоекая вещь, кусок рафинада здесь куда пригоднее.

Перевод с английского

Дмитрия РАДЫШЕВСКОГО

Тюрьма — это, в сущности, недостаток пространства при избытке времени. Для узника ощутимы обе категории. Естественным образом эта пропорция, отражающая положение человека во вселенной, сделала тюремное заключение неотъемлемой метафорой христианской метафизики и практически обручилась с литературой. Для последней это имеет некий смысл, поскольку литература есть в первую очередь перевод метафизических истин на существующие наречия.

Перевод этот, конечно, мог бы осуществляться и без тюрем и, возможно, с большей точностью. Однако, начиная с Павла, христианская традиция с примечательным упорством взидала на лишение свободы как на средство передачи откровений. Сегодня культура и литература, основанные на других, не христианских, верованиях и принципах (если это слово уместно), прилагают все усилия, чтобы по части узилищ и темниц догнать великого старшего, а в случае китайцев — младшего брата, надеясь обрести собственные вийоны и достоевских.

В XX веке писателя в тюрьме можно найти на любой территории. Вряд ли назовешь язык, не говоря уже о стране (возможно, Норвегия?), чьих писателей миновала бы эта участь. Конечно, некоторые языки и страны преуспели в этом больше, другие меньше. Россия, похоже, превзошла всех, но, с другой стороны, СССР был густонаселенной империей. С ее распадом центр тяжести этой проблемы сместился из Европы в Юго-Восточную Азию, Африку и на острова Океании. Вести не такие уж благие, поскольку это тоже густонаселенные регионы. Отказываясь от дискриминации, география, кажется, стремится догнать историю.

Или, быть может, история пытается не отстать от географии. В основном писатель оказывается за решеткой, когда принимает чью-то сторону в политическом споре, и это явный признак истории. (Отсутствие такого спора, несомненно, главная черта географии.) Не важно, какие исторические воспоминания пробуждает в нас тюрьма, она в первую очередь заставляет просыпать вас самих обыкновенно в 6 утра и считаться с горькой реальностью вашего срока.

Не то чтобы тюрьма понуждала вас отбросить абстрактные понятия. Напротив, она велит свести их к самым сжатым формулировкам. Тюрьма, по сути дела, есть перевод вашей метафизики, этики, чувства истории и прочего в компактные формы предложенное вам ежедневно существование. Наиболее эффективное место для сего перевода, конечно, одиночка, которая низводит человеческую вселенную до бетонного прямоугольника, постоянно освещенного солнцем в 60 ватт, под которым вращаетесь вы в погоне за собственным рассудком. Через пару месяцев такого вращения солнечная система оказывается окончательно скомпрометированной, в отличие, будем надеяться, от ваших друзей и близких, и, если вы поэт, наградой вам могут стать несколько приличных стихов, спрятанных внутри самого себя, поскольку ручка и бумага узнику чаще всего запрещены.

Основная масса тюремной литературы написана в прозе. Дело не в том, что прозаиков чаще подвергают заточению, чем поэтов (на самом деле происходит наоборот). А прежде всего в том, что монотонной идиоме неотвратимого наказания поэты находят явно враждебной непредсказуемой природе стиха. Поэму о тюрьме сочинить труднее, даже в современной русской литературе, чем роман, не говоря уже